

ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЕ СТОРОНЫ И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ**

В статье рассматривается понятие «стейкхолдеры» и история его появления в социологическом дискурсе. Указывается на существование политологического, социокультурного, прикладного экономического и социетального уровней анализа заинтересованных сторон. Базируясь на нобелевской теории Э. Остром о принципиальной возможности сбалансированного коллективного природопользования, указывается на ограничения, которые накладывает существующая в современной России ситуация на развитие практической самоидентификации заинтересованных сторон, их консолидации, а также на характер их деятельности.

Ключевые слова: заинтересованные стороны, группы интересов, группы мнений, стейкхолдеры, артикуляция интересов, идентификация стейкхолдеров, общественно-групповые отношения.

Термин «стейкхолдеры», активно используемый англоязычными инвайронментальными социологами как синоним выражения «заинтересованные стороны», в российской социологии пока используется крайне редко. Причинами этого, на наш взгляд, является вовсе не языковой барьер, а гораздо более важное обстоятельство — уровень развития демократических институтов в современном российском обществе. Чтобы обосновать данное утверждение, рассмотрим более пристально разнообразные варианты использования понятий, близких по смыслу к термину «стейкхолдеры», начиная с работ зарубежных авторов.

Понятие «заинтересованные стороны» активно изучается политологами уже с начала XX века. Родоначальником близкого по смыслу социального понятия «группы интересов» называют А. Бентли, который впервые обозначил эти группы в своей книге «Процесс правления. Изучение общественных давлений», вышедшей в 1908 г. И хотя в ней он концентрировал внимание прежде всего на процессе влияния различных социальных групп на государственную политику, сам принцип исследования общественно-групповых отношений как сферы влияния на принятие социально значимых решений вне зависимости от их уровня был заложен уже тогда. С тех пор в политологии, помимо политических партий, выделяют и группы интересов¹, отличим которых от партий является их нежелание непосредственного вмешательства в

* © Никитина Б.А., 2013

Никитина Бэла Анатольевна (belanik@yandex.ru), кафедра социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Статья написана при поддержке гранта в форме субсидии в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, соглашение № 14.В 37.21.0024.

¹ Отметим, что сам термин «стейкхолдеры» в политологических исследованиях не фигурирует, уступая место таким терминам, как «группы давления», «группы интересов», «заинтересованные группы».

политику. По мнению большинства политологов [1–6], группы интересов – это фактически «пред-партии», то есть политически значимые субъекты, отчетливо лоббирующие свои интересы. Эти группы уже в состоянии агрегировать и артикулировать свои интересы, то есть преобразовать социальные чувства, эмоции, ожидания своей группы в рационально сформулированные политические требования [7]. Некоторые политологи даже считают, что группы интересов фактически являются «группами давления», действующими «извне», в отличие от политических партий, действующих «изнутри», при этом, даже если они не регистрируют своих членов, они гораздо лучше организованы, чем общественные движения [8]. Так или иначе, в политологии группы интересов представляются саморефлексирующим, т. е. осознающим собственное существование, актором, значит, реально существующими группами.

Помимо жесткого определения заинтересованных сторон как реальных групп, существует и иной взгляд на сущность стейкхолдеров как групп номинальных, существование которых может обнаружить лишь взгляд исследователя. Тот факт, что группы интересов являются более широким явлением, нежели формализованные группы политического давления, был впервые представлен в исследованиях западных ученых, что неудивительно, в силу большей свободы для возникновения неформальных общественных ассоциаций. Возникнув на более благоприятной демократической социальной почве, этот исследовательский конструкт позволил разглядеть зарубежным социологам существование заинтересованных групп даже в СССР, в котором, по мнению марксистских обществоведов, никаких социальных интересов, кроме классовых, и быть не могло. Так, в своей работе 1971 г. Г. Скиллинг и Ф. Гриффитс указали на существование в Советской России групп мнений («*opinion groups*»), оказывающих мягкое и косвенное, но все же осязаемое влияние на процессы принятия решений [9]. Думается, что при расширении исследовательского горизонта можно было бы обнаружить и иные группы интересов, приравнивая их к понятию «группы мнений». Близким к этой интерпретации «групп интересов» является взгляд Н.И. Лапина, который отмечает, что «политическая активность – лишь одно из направлений активности группы интересов. Другое ее направление заключается в воздействии на компоненты гражданского общества: на его социальную структуру и процессы, на его культуру, прежде всего на сознаваемые гражданами цели и способы их собственных действий и взаимодействий с другими индивидами ради осуществления своих интересов. Иными словами, мы полагаем правомерным понимать группу интересов шире, чем это принято в политической науке: не только как субъект политической жизни, но и как социокультурную ячейку гражданского общества» [10, с. 16].

Понимая группу интересов не только как стабильную структуру, а и как динамичное поле взаимодействий личностей, возникающее в связи с наличием у них общих интересов, Н.И. Лапин подчеркивает, что, несмотря на «мягкость» этих взаимодействий, они активно изменяют среду и те самые обстоятельства, которые стали причиной возникновения активности. Группы интересов также уподобляются им определенной «сети интересов», выражающей «жизненные шансы индивидов, возможности расширить их доступ к ресурсам, выйти за ставшие тесными пределы нынешних статусов» [10, с. 19].

Несколько в ином ключе рассматриваются стейкхолдеры при изучении вопросов стратегического бизнес-менеджмента, гуру которого, работающие в рамках неонституционализма, активно изучают потенциал влияния «экономически маловлиятельных» групп населения на деятельность корпораций. Особую популярность концепции заинтересованных сторон получила после выхода в 1984 году книги Фримана «Стратегический менеджмент: заинтересованные стороны» [11], где подчеркивается необходимость учета более широкого спектра интересов при определении стратегии развития корпорации с тем, чтобы осознавались интересы тех номи-

нальных или реальных групп, которые испытывают влияние от ее коммерческой деятельности, но не могут его оказать, в свою очередь, при принятии каких-либо решений. С другой стороны, нужно учитывать и интересы тех акторов, которые находятся вне зоны воздействия корпораций, но могут оказывать на нее влияние через различные каналы. Подобные принципы активно используются сегодня не только крупными корпорациями, но и в политической деятельности. В частности, ярким приверженцем данного подхода является Тони Блер. Опираясь на него в своей политической деятельности, в США в 2004 году 32 штата приняли законы о заинтересованных сторонах.

Осознание влияния масштабных коммерческих или государственных проектов на интересы рядовых людей стало причиной формирования новой формы отношения бизнеса к обществу как к контексту. Так, стала более открытой и активной политика самопрезентации организаторов масштабных проектов, о чём свидетельствует раскрытие корпоративной информации на сайтах компаний и открытая корпоративная социальная отчетность.

Одним из аспектов современного стратегического менеджмента является развитие такого понятия, как «корпоративная социальная ответственность», под которым понимается исследование экономического значения социальных затрат на поддержку зависимых от деятельности корпорации групп. Парадокс состоит в том, что указанная деятельность, позиционируемая во всех отчетах корпораций как некоммерческая, на самом деле является способом повысить конкурентоспособность организации, т. е. предпринимается для того, чтобы вернуть затраченные деньги владельцам предприятий несколько позже. В связи с тем что теоретические исследования нефинансовой деятельности корпораций материально поддерживаются самим крупным бизнесом, подобная интерпретация стейкхолдеров достаточно широко распространилась в современном дискурсе. Так, С.П. Перегудов, один из наиболее активных исследователей групп интересов в России, называет «стейкхолдерами граждан, сообщества и организации, в той или иной мере причастных к деятельности корпораций» [12].

Принципиально иным является анализ стейкхолдеров как групп, возникших в результате ухудшения состояния окружающей среды. Причинами ухудшения экологической ситуации может быть хозяйственно-экономическая деятельность бизнеса, государства, а зачастую и самого населения. Соответственно, различные представители населения могут быть в разной степени аффилированы с различной государственной, коммерческой деятельностью, в результате чего могут иметь внутренний конфликт интересов, что зачастую случается у работников предприятий, проживающих в зоне их негативного экологического воздействия. Даже если они и согласятся выступить против предприятия, на котором работают, то для них желательной будет его модернизация, а вовсе не закрытие, на чем могут настаивать другие горожане. Также группы стейкхолдеров подчас объединяют людей с противоположными интересами по всем вопросам, кроме одного, который их спланирует в конкретной ситуации. В то же время имея даже общий повод неудовлетворенности, группы могут быть заинтересованы в разных способах решения проблемы. К примеру, люди могут быть объединены заинтересованностью в прекращении строительства здания в их дворе, но при решении вопроса об использовании общего пространства двора одни будут настаивать на размещении во дворе автостоянки, а другие — на максимальном озеленении, в то время как для третьих самым желательным исходом было бы строительство детских или спортивных площадок.

Также группы, имеющие общие интересы в связи с одной проблемой, могут иметь противоположные интересы в другой ситуации. Так, противники строительства ГЭС, озабоченные проблемами подтопления территории, могут по-разному относиться к тому, чтобы организовать на берегах той же реки особо охраняемую природную территорию.

Развитие многостороннего, многоаспектного диалога в обществе, многообразие его форм и высокий уровень эффективности, конечно, возможен только в обществе с высоким уровнем развития культуры населения, его толерантности и вместе с тем социальной активности, готовности к конструктивному общению. По сути, рост доли эффективных повседневных коммуникаций по поводу урегулирования интересов различных заинтересованных сторон можно рассматривать как явную тенденцию развития делиберативной демократии.

Принимая во внимание все перечисленные подходы к интерпретации понятия «стейкхолдеры», можно выделить несколько уровней анализа группового социального взаимодействия. Наиболее ранним и более развитым является политологический анализ, который воспринимает в качестве групп интересов прежде всего институционализированные формальные группы, а также стейкхолдеров с узким корпоративным интересом. Гораздо позже возник уровень анализа заинтересованных сторон в стратегическом менеджменте, при этом его отличительной чертой является конструктивистский подход к идентификации стейкхолдеров. Для аналитиков в стратегическом менеджменте группа интересов может быть как реальной, так и номинальной, может возникнуть в любой момент времени в зависимости от остроты восприятия того или иного риска, возникающего в результате деятельности коммерческих компаний. Близки к этому подходу и взгляды исследователей, воспринимающих группы интересов как социокультурное и социетальное явление, а также к исследователям социально-экологических проблем. Как это ни парадоксально, наиболее проницательным и утонченным подходом к определению сущности групп интересов отличаются работы не социолога, а экономиста, получившего в 2009 г. Нобелевскую премию – Э. Остром. Ее труд, вызвавший столь пристальный интерес и внимание – «Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности» [13], – указывает на серьезные проблемы однозначной интерпретации групп интересов, подвергая сомнению возможности внеситуативное определение самого интереса. Сущностью открытия, за которое автор была награждена нобелевской премией, является теоретически и эмпирически обоснованное доказательство возможности существования неистощительных режимов использования ресурсов общего пользования. Э. Остром в своих работах также указывает на условия, при которых это возможно. Выделяя внутригрупповые факторы, препятствующие оптимальной форме самоорганизации, и внешние обстоятельства, которые специально формируются обладающими властью индивидами, получающими выгоды от статус-кво, она указывает на большое значение рационального осмысления данных ограничений. Одним из наиболее очевидных внутренних факторов, препятствующих выработке конкурирующими сторонами оптимального решения, является отсутствие коммуникативного пространства, опыта взаимодействия между стейкхолдерами, что снижает шансы на формирование социального доверия [13, с. 53]. Ситуация дефицита доверия и конструктивной групповой коммуникации может быть как органической, т.е. возникшей естественным образом, так и искусственно создаваемой и поддерживаемой стейкхолдерами с противоположными интересами, которые заинтересованы в уменьшении количества осознанно действующих сторон. Такие группы можно смело назвать антимодернистскими, поскольку именно они противостоят увеличению количества групп интересов и их конструктивному взаимодействию. Последнее же служит ярким индикатором «высокой, или поздней современности», ее динамизма как постоянного самоконструирования, самореализации всевозрастающего числа людей, сознательно действующих в качестве авторов собственной судьбы и субъектов макросоциальных изменений [10, с. 20].

Здесь следует отметить, что развитие процессов групповой социальной коммуникации, сопряженных с самоидентификацией заинтересованных сторон, в принципе соответствует конструктивистской концепции, которая видит движущую силу прогресса в нормальной повседневной деятельности людей, меняющих себя и свою со-

циокультурную среду [14, с. 59–66]. Более глубоко понимая причины необходимости ограничения собственных интересов в связи с наличием конкурирующих общественно-значимых интересов, стороны начинают поиск интегральных решений, более близких к Парето-оптимуму, чего в немалой степени могут способствовать коллективные формы поиска решений, например краудсорсинг. Об успешности этой формы принятия решений существуют различные мнения, однако ученые сходятся в одном — она во многом зависит от условий, при которых осуществлялось взаимодействие сторон [15–16].

Ярким примером согласования противоположных интересов является такая градостроительная концепция как гелиотектура [17], сочетающая в себе биологические объекты на поверхности, подземное размещение парковки и иных коммерческих объектов, а также включение общедоступных социальных и спортивных объектов в центральный уровень здания. Однако существуют и менее глобальные примеры согласования интересов, например, строительство подземных парковок, удовлетворяющие как интересы автомобилистов, так и родителей маленьких детей и играющей в спортивные игры молодежи.

В России такие решения, как правило, принимаются «сверху», в то время как в развитых странах гораздо больше времени и внимания занимает процесс согласования мнений. При этом мнение стейкхолдеров не только учитывается, будучи уже артикулированным, но и выявляется в случае отсутствия на момент обсуждения проблемы уже сложившейся группы, осознающей возможности ущемления их интересов при реализации новых проектов.

Социетальный уровень анализа групп интересов является наиболее адекватным ракурсом для исследования включенности населения в экологические процессы. В соответствии с классификацией Ж. Блонделя экологические организации или движения являются специфическим типом групп интересов, названными им «группами поддержки» [18]. Не используя эту терминологию, западные инвайронментальные социологи начиная с 90-х гг. стали активно изучать влияние стейкхолдеров на принятие разнообразных решений, затрагивающих неблагоприятные изменения в состоянии окружающей среды. При этом под стейкхолдерами они понимали любые совокупности граждан, имеющие общие осознанные или неосознанные интересы, для защиты которых требуется их осознание, артикуляция и публичная репрезентация.

Отметим, что в рамках социально-экологических исследований некоторые заинтересованные группы являются номинальными и переходят в категорию реальных групп только после некоторой «конструирующей» работы со стороны более активных экологически озабоченных акторов, будь то личность или реальная группа, которые бы осуществляли мобилизацию своих сторонников среди пассивного населения, не осознающего собственную причастность к тем или иным социальным явлениям или процессам. Одним из наиболее эффективных акторов экологической мобилизации является институционально оформившиеся общественные экологические организации. Исходя из того, что каждый раз выработка общественных норм эксплуатации среды зависит от индивидуального стечения обстоятельств, укажем, в России экологические организации имеют весьма пеструю идеологию [19]. К примеру, «для организаций, занимающихся сохранением и возвращением в природу редких видов, содержание животных в неволе, в том числе и в зоопарках — абсолютно необходимая часть работы, в то время как для сторонников идеи «равноправия видов» — это отвратительное насилие над животными и нарушение их естественных прав» [20]. Другим ярким примером является противоречие между призывами экологов к предпочтению товаров местных производителей и качеством этих товаров, наносящих серьезный ущерб окружающей среде. Так, Е. Шварц — директор по охране природы российского отделения WWF — указывает, что бойкотирование автозаправочных станций, принадлежащих транснациональным компаниям, может привести к неосознанной поддержке, к при-

меру, чеченских сепаратистов, кроме того, это может увеличить загрязнение среды за счет низкого качества отработанных газов и необходимости замены поврежденных деталей [20]. Несмотря на то что в приведенных примерах расхождение идеологий экологических активистов приводит к противостоянию их практик, наиболее значимым представляется вовсе не отсутствие единства между ними, а низкий уровень доверия к деятельности общественных организаций в целом, слабость их экономической поддержки со стороны населения, малого и среднего бизнеса, которые сами, в свою очередь, имеют недостаточно ресурсов для поддержки социальных инициатив. В сложившихся условиях уделять внимание медиационным процессам экологические НКО просто не в состоянии.

Можно было бы предположить, что для идентификации экологических стейкхолдеров достаточно просто обострения экологической ситуации до такой степени, которая делала бы неизбежным 1) активизацию населения, 2) кристаллизацию и артикуляцию различных позиций, 3) формирование вокруг них заинтересованных сторон. Однако, как показывает практика, в современной России первый процесс – активизация населения – далеко не всегда сопряжен со вторым и третьим процессами. Достаточно редко дело экологические конфликты сопровождаются развитием общественного диалога, чаще переходя в силовые варианты решения проблем: от прямых стычек с населением, как в случае прямого сопротивления населения началу разработок никеля в Новохоперском районе Воронежской области [17], до преследования и изоляции активистов, открыто высказывающих свои позиции по отдельным острым проблемам природопользования, как это происходит, к примеру, в Краснодарском крае в ходе варварского «освоения» прибрежных территорий [18].

Таким образом, теоретическая категория «стейкхолдеры» в ее социетальной интерпретации с трудом находит применение для анализа российского общества, слабо структурированного по критерию групповой идентификации экологических интересов. В сложившейся ситуации публичные социологи могли бы сыграть положительную роль в инициации процесса конструирования интересов латентных стейкхолдеров-молчунов, публичная артикуляция которых могла бы разбудить их социальную активность.

Библиографический список

1. Семененко И.С. Группы интересов в политическом и социокультурном пространстве. М.: Юнити-Дана, 2007.
2. Семененко И.С. Группы интересов на Западе и в России. Концепции и практика. М.: Инфра-М, 2008.
3. Сорокин С.Э. Группы интересов и их роль в политической жизни в современной России. М.: Гардарики, 2006.
4. Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство. М., 1999.
5. Перегудов С.П. Группы интересов и российское государство. М.: Эдиториал УРСС, 2006.
6. Павроз А.В. Группы интересов и лоббизм в политике. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.
7. Василик М.А., Вершинин М.С. Политология. Элементарный курс. М.: Евразия, 2006.
8. Хейвуд Э. Политология: учебник для студентов вузов / пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
9. Shilling G., Griffiths F. Interest Groups in Soviet Politics. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1971.

10. Лапин Н.И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. № 3.
11. Freeman R.E. Strategic Management: A Stakeholder Management. Boston, 1984.
12. Перегудов С.П. Гражданское общество как субъект публичной политики. // Полис. № 2. 2006. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/2/11>.
13. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / пер. с англ. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010.
14. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
15. Шуровьески Д. Мудрость толпы. М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2007.
16. Девятко И. Ф. «Мудрость толп» и «мудрость внутри»: сравнительная точность групповых и индивидуальных суждений о дискретных социальных фактах // Социология: Методология, методы, математическое моделирование. 2012. № 34. С. 81–104.
17. Непомнящий С. Гелиотектура: резонанс разнополярных трендов. Поворот от асфиксии тотальной субурбанизации к зеленому дому-городу. URL: http://www.intelros.ru/subject/ross_rasput/10809-geliotektura-rezonans-raznopolyarnyx-trendov-povorot-ot-asfiksii-totalnoj-suburbanizacii-k-zelenomu-domu-gorodu.html.
18. Blondel J. Comparative government: an introduction. 1990.
19. Яницкий О.Н. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск: Сиб. Хронограф. 2002.
20. Жуков Б. Рассвоение (типология экологических организаций) // Отечественные записки. 2005. № 6 (27). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/rassvoenie-tipologiya-ekologicheskikh-organizaciy>.
21. Официальный сайт движения «В защиту Хопра!» URL: <http://savekhopr.ru/?p=2616>.
22. Россия: правозащитников и журналистов пытаются заставить замолчать перед Олимпиадой в Сочи. Доклад Human Rights Watch // Официальный сайт организации «Human Rights Watch». URL: <http://www.hrw.org/ru/news/2013/08/13/rossiya-pravozashchitnikov-i-zhurnalistov-pytayutsya-zastavit-zamolchat-pered-olimpi>.

*B.A. Nikitina**

STAKEHOLDERS AND THEIR ROLE IN THE SOCIAL CONSTRUCTION OF ENVIRONMENTAL PROBLEMS

The article discusses the concept of «*stakeholders*» and the history of its occurrence in the sociological discourse. The author points to the existence of political science, socio-cultural, applied economic and societal level of analysis of stakeholders. Basing on the Nobel theory of E. Ostrom on the principal possibility of balanced collective exploitation of public resources, the author points out on the limitations that existing situation in modern Russia lays on the development of practical self-identification of stakeholders, their consolidation, and also on the character of their activity.

Key words: stakeholders, groups of interest, groups of opinion, stakeholders, articulation of interest, identification of stakeholders, public-group relations.

* *Nikitina Bela Anatolievna* (belanik@yandex.ru), the Dept. of Sociology and Social Demography, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.